

БЛИЖНИЙ КРУГ

Не врать, не воровать, не завидовать

— Меня бабушка учила, и я своим детям и внукам говорю: "Две заповеди самые главные — не врать и не воровать". От этого происходит все в жизни. Когда я была маленькая, я приняла как должное: двадцать копеек будут без присмотра лежать, на них мороженое можно купить — но тронуть их мне в голову не придет.

Маленькие дети могут чужую вещь взять. Но им легко объяснить, что это плохо. У моей Ольги (старшая дочь. — Е.Д.) были такие номера. Она приносила домой какие-то коржики из школы. "Где взяла?" Выяснялось, что с парты чужой. Принесла мне в первом классе "гости-нец". Я говорю: "Ты же взяла коржик не потому, что кушать хотела. А ты, наверное, хотела мне сделать приятное. Я понимаю, что ты мне подарок принесла. Но не надо. Может быть, девочка осталась без завтрака? А у меня дома все есть. Ты в следующий раз этого не делай". А быть чуть что — ой, вы знаете, это такой вопрос тяжелый.

Говорили о воспитании детей. И неожиданно я увидела в Галине Вишневской хоть и необыкновенную, но все-таки обыкновенную женщину: мать и бабушку. Правда, когда я уже прослушивала беседу в записи, сердце испуганно сжималось от энергичных, повелительных ноток ее голоса.

В том, как растили дочерей в семье Вишневской и Ростроповича, бывала какая-то жесткость и даже жестокость. И Галина Павловна сожалеет об этом.

Она говорит: "Всякое случалось: и нехорошее, и обидное — и с моей, и с их стороны. Но в целом воспитание было правильным. Мои дочери — единственные люди, которым я могу открыться абсолютно во всем".

"Когда девочки стали подрастать — боже мой, как Ростропович их ревновал!"

Париж. Звездная чета с дочерьми Ольгой и Еленой.

ДЕТИ СЛАВЫ

Одно дело просто говорить: "Не смейте подзатыльник дать". Но иногда, бывает, видишь, как дети избалованы, — и срывается рука, поддаешь. И потом тебе неловко. Так что если можно обойтись без этого — лучше не надо.

Меня воспитывали вне зависти. Никогда в доме не обсуждалось: а почему у меня нету, а у них есть? Хотя мне, может, и очень хотелось туфли, как у соседки, но я бы никогда не попросила бабушку: "И мне такие купи". Я знаю, на какие копейки мы жили. До войны бабушка пенсию получала 40 рублей, а килограмм масла стоил 16. Врожденной зависти не бывает. Это то качество, которое воспитывается в ребенке. Тем, в какой семье он живет, о чем там говорят, что говорят...

"Мы все мучили детей в Центральной музыкальной школе"

— Мои дочери окончили Центральную музыкальную школу при консерватории. Со слезами. Будучи семей, где двое музыкантов и где круг знакомых — известные артисты, уже было принято так: раз родители скрипач, значит, дочь или сын тоже берет скрипку — и в Центральную музыкальную школу. Там же все дети знаменитых музыкантов. Все мы мучили в ней своих детей. Дочери в пять часов возвращались с уроков, обедали, тут же садились за домашнее задание. И уже сонные, глаза протирая, шли заниматься на инструментах. Одна виолончелистка, другая пианистка. Это же ужас какой-то! Они же вообще не гуляли! Дети, которые учатся в ЦМШ, не знают, что такое выйти погулять. Это же не детство! Это же не жизнь! Какая там любовь к музыке может быть? Скорее возненавидеть можно навсегда, если такая дисциплина с пятилетнего возраста. Я рада, что внуки не прошли через насильное приобщение к музыке. Я сказала: "Не хотят — не заставляйте".

Музыка необходима для воспитания детей. Но дети должны получать от нее удовольствие. Не обязательно требовать выучить, кто написал концерт, сажать за ноты... Музыка, чье-то пение незаметно в нас входят. Для этого не надо вставлять каждый день в шесть утра или поднимать штаны, как в спорте. Надо только, чтобы была атмосфера звуков. Они сами приятны ребенку. Это человек слышит — влияет на то, каким он станет. Сегодня орут со сцены истонными, ненормальными совершенно голосами. Как будто заткнув себе микрофон в желудок. К сожалению, у нас не придают этому значения. Будто настоящее искусство существует само по себе. Ну так, для дурачков. Хотят слушать классику — слушают. А вообще — не обязательно. Пускай ребенок дурацкий грохот врубит на всю катушку, лишь бы не приставал к родителям. Тексты слушают примитивные. Словно какой-нибудь бедуин на верблюде едет через пустыню, и чего ему придет в голову, то и выдает. А ребенок думает: "А чо, он может? Я тоже так могу!" Ужасно.

Вместе с тем я вижу ребят из музыкального театра. (В районе Косино в обычной школе есть театр, названный моим именем.) Удивительные дети! Из простых семей, часто неблагополучных. Но эти мальчики 12—15 лет и девочки не в подворотне стоят курят и водку пьют, а ставят спектакли. Даже домой не хотят идти после уроков. Репетируют "Пиковую даму", "Онегина", "Кармен". Выходят на сцену дети 8—10 лет и поют: "Мой миленький дружок, любезный пастушок". Публика с ума сходит. Я совершенно была потрясена этим. Я увидела себя в детстве. Я тоже не хотела идти домой: у меня был учитель пения во втором классе, и я могла петь с ним с утра до вечера. И мне больше ничего не было нужно.

Музыка в моей жизни играла самую решающую роль. Меня почти не воспитывали: у меня не было ни матери, ни гувернанток. Я росла у бабушки, безграмотной крестьянки. Она меня только любить могла. Ни читать, ни писать не

умела... Тем, кто я есть сегодня, я обязана родному Петербургу и радио. В кухне висела "тарелка" черная. Изюм дня в день я слышала музыку. Даже не желая, может быть. Но потом она незаметно увлекла меня. В девять лет я получила в подарок пластинки с оперой "Евгений Онегин". Я наизусть пела все партии: и за мужчин, и за женщин. Как в чаду ходила. С 17 лет на сцене. У меня от природы поставленный голос, а специального музыкального образования вообще нет (всю блокаду я была в Ленинграде, а училища оттуда эвакуировались).

"Я посадила дочек за монастырскую стену"

— Когда мы с дочерьми оказались за границей, одной было 16, другой — 18 лет. Ольга к тому времени уже поступила в консерваторию и взяла отпуск академический. Лена перешла в последний класс. Мы же уезжали на два года. Это потом нас лишили гражданства. Уже вслед все это было. Имущество осталось здесь. Нас вынудили начинать жизнь с нуля, без копеек в кармане. Так что надо было работать, зарабатывать на жизнь и учить детей.

Я гастролировала много. Ростропович гастролировал. (До сих пор у него без конца гастроли.) Я поняла: "Ну ты же не будешь таскать детей с собой". Их надо было устроить. И я определила их в Лозанну (Швейцария), в школу при действующем католическом монастыре Сант-Оливье. Это была школа для девочек. Очень интересное общество: дети дипломатов, которые вынуждены часто уезжать. В монастыре дочки изучали французский и английский. (Они же приехали за границу без знания языка фактически. Как у нас раньше в школе английский преподавали? "Маша энд Том", "Май нэйм из..." — и все.) Я очень благодарна лозаннским монахиням и преподавательницам: дочери были под строгим присмотром, там такой режим. И девочек специально туда поселила, чтобы они осели, посмотрели на мир из-за стены. А не сразу во все соблазны окунулись. Они же думали: на два года поехали в другую страну — это вроде путешествие, ничего не надо. Только в кино ходи, в театры и на банкеты. А я их — за стенку, чтобы успокоились. И только через год перевезла в Америку, где они поступили в музыкальный университет "Джулиард скул". Сняла им квартиру — прямо через дорогу от университета, дверь в дверь. Конечно, был страх: оставить двух девочек в отдельной квартире, в Нью-Йорке. А что было делать? Бросать карьеру? А кто кормить будет?..

Воспитание все-таки было дано правильное моим дочерям, которых я очень уважаю. Они прекрасные дочери. Когда я приехала к ним с гастролей и так робко спросила: "Девочки, по Бродвею то гуляете?" — они ответили: "Да нет. Мы в основном около школы". Я говорю: "А на 42-й улице интересно?" (На ней сплошные значные места.) — "А что на 42-й улице?" В Америке девочки сразу поняли, что они попали в обстановку, где от них очень много зависит. Они по-серьезному. Видели, как мы вкалывали с отцом, чтобы на ноги встали. Поняли, что надо помогать родителям, хотя бы своей учебой.

Вообще интересно, как отличалась атмосфера в американских и в наших учебных заведениях того времени. Помню, когда мы уезжали отсюда и мои дочери провожали школьные друзья, двое из них валялись пьяными на лестнице, третий на подоконнике спал. И другой случай. Я приехала к девочкам в "Джулиард скул". Говорю: "Ну давайте, пригласите друзей, мальчиков позовите". Пришли два парня. Здоровенные два американца. Я обед ставлю. Спрашиваю: "Ну, мальчики, что пить будете?" Достают вино. А они: "Мадам, мы не пьем. А молока у вас нет?" Представьте, американец, здоровый мужик, — и пьет молоко. Это, конечно, зрелище.

Дочери Вишневской и Ростроповича готовились к жизни в монастыре

В профессии надо быть профессионалом

— Дочери окончили "Джулиард скул", начали профессионально работать Лена несколько лет с отцом играла, записи с ним делала, а потом все бросили. Быть рядом с таким отцом и получить признание — для этого надо перешагнуть через очень многое. Это сыграло свою роль. Если старшая дочка виолончелистка — что ж, она не соображала, какой виолончелист у нее отец?..

А главное — надо было отдать себя профессии. Ольга и Елена видели, как работал отец. Чего мне стоит так безукоризненно, как говорится, нести на сцену искусство. Они видели это лучше всех, потому что жили рядом со мной. Знали, что без работы ничего не выйдет. А работать они уже не хотели. Я всегда говорю: если не хочешь заниматься, чтобы быть по-настоящему в искусстве, — бросай всё! Или-или — только так может быть в искусстве. Влачить жалкое существование, быть где-то на задворках, считаться музыкантом — не надо! Уверенность должна быть обязательно в том деле, которое делаешь. А уверенность появляется, когда ты оснащен техникой и знаешь: "Это я могу". Быть на высоте — этому можно научиться. Может, Бог не дал красивой внешности, фигурой обидел, но трудиться сам себя тогда заставь.

Профессию обязательно надо иметь. Не мечты. Рисовать левой ногой в три года — это одно. А делать то же в 23 и думать, что ты гений, — уже смешно. Поэтому родители должны участвовать в жизни ребенка, становлении. Прививать любовь к какому-то делу, следить, что ему нравится, что не нравится. Вот у меня пять внуков (шалопайи такие — мальчишки же, Господи! Когда вместе собираются — содрогается все!) и внучка. Один внук заканчивает колледж. Так я все спрашиваю потихоньку, что его интересует. Он еще решает. Старший (ему 21 год) уже поступил на юрфак и очень увлекается техническими науками, машинами. У него столько каталогов! О любой машине знает, какой силы у нее мотор...

А когда ребенок просто так — растет себе и растет, — то в итоге и получается: неизвестно, куда ему идти. "Ткнем в какой-нибудь институт, диплом получит..." А что он с ним будет делать — тоже неизвестно. У нас очень много недорослей. Обучение бесплатное — значит, можно прогуливать и ничего не делать, на подоконниках сидеть. Я это очень хорошо знаю: мой муж в

консерватории вел класс. И вот он вызывал родителей этих болтунов, которым по 23 года, у которых уже борода растет. Они экзамены, видите ли, не сдают, загуляли. А в Америке если не хочешь учиться — ты платишь за университет деньги не будешь. Ты просто не пойдешь туда. Вот такая разница между нашими и их детьми... Американцы — очень интересный народ. У нас ругают: и примитивные они, и такие-сякие. Я там жить никогда не хотела. Но бываю там время от времени надо. У них есть чему поучиться.

Однажды в 70-е годы мы сидели в обществе, где был госсекретарь США Бжезинский. Разговаривали. Прошла неделя. Ростропович давал концерт. И в антракте я смотрю: Бжезинский. (А я не люблю так, знаете, сразу подойти, разговоры начинать: вдруг человек не узнает или еще что-то. Всегда в сторону ухожу.) Бжезинский идет, а я отвернулась немножко и делаю вид,

что не вижу его, и прохожу мимо. И он: "Галыня! — мне кричит. — Как вы? Вы меня помните?" Это госсекретарь меня спрашивает! "Я Бжезинский". Вот меня спросил бы здесь Молотов или кто там: "Вы меня помните?..." Нашим-то правителям в голову не придет, что вы можете их не помнить. У нас звание — сила. А в Америке смотрят на свое звание как на работу. Поэтому в России и льстят больше привыкли. Дети известных людей чувствуют это. Лесть лифтерши или нянечки в школе: "Ай, где же ваша мамочка такая? И какие ж вы девочки потрясающие! А папочка какой у вас знаменитый! Какие вы красавицы! Ой, какие замечательные!" Но я вовремя девочек всегда притерживала, чтобы они на землю опустились.

"Я не хотела ни того ни другого зятя, но замужеству не мешала"

— Если у дочерей не все в порядке в жизни или в делах — считаю своим долгом сказать им об этом. До сих пор. Я не навязываю свое мнение. Просто: "Я сказала тебе — а ты сама внимательно посмотри, подумай". Не надо давить, если вопрос не до такой степени принципиален, что от него уже жизнь зависит.

Когда дочки выходили замуж, я ни того ни другого зятя не хотела. Знала: дочери жить с ними не будут. Но отговаривать не стала. Я сказала Лене: "Я считаю, вы не подходите друг другу. Но мешать тебе я не буду. И не жди, что ты потом всю жизнь мне вспоминать будешь: мол, он единственный был, счастье твоё. А из-за меня ты не вышла замуж. Хочешь? Выходи! Но бери на себя всю ответственность". Конечно, когда они разошлись, я сказала: "Мне это было ясно сразу". Сейчас второй брак и у одной, и у другой.

У Ольги сейчас муж француз. С первым дей не было. Расстались — и все. А Елена была замужем за немцем, а теперь — за итальянцем. Двое детей от первого брака, двое — от второго. Когда она встретила своего Стефано, объявила первому мужу, что уходит. Это моментально все произошло. Конечно, развод есть развод (и детям больно, когда родители расстаются). Но это такое дело тонкое — тут нечего вмешиваться. Дочка сама во всем разобралась — и правильно. Я только сказала: "Самое главное — любым способом сохранить после развода хорошие отношения, чтобы дети не потеряли отца".

Внуки меня уважают, лобят, слушают, слушаются, очень внимательно относятся к тому, что я говорю. Помню, Сережка Лены еще в 1-м классе учился и подарил мне на Рождество кольцо со стеклышком. Целая история была: нашел кольцо в шоколадном яйце, принес в школу, а учительница потребовала вызвать мать — вдруг утащил? И Сережка кричал: "Вы не смейте отбирать! Я нашел его! Я бабушке обещал это кольцо!" (Скандал был на всю школу.) Я потом записывала арии свои для ТВ: я там специально

Сейчас "детьми" Вишневской стали студенты созданного ею Центра оперного пения.

весь фильм держу руку на груди, а на мизинце — кольцо Сережкино.

Все внуки идеально говорили по-русски. Но пошли в школу — и сразу появился акцент. И потом просто забывается язык. Если приходят ко мне, стараются, конечно, говорить по-русски, даже из уважения к бабушке. А между собой — по-французски. Это ни в коем случае не отдаляет нас, но досадно. Думаю, они уже не русские люди. Они видят Париж, Нью-Йорк, Лондон и людей, которые говорят на своем языке. Они же не могут быть другими.

"Не надо клиснуть над кастрюлями"

— Я больше с детьми была, чем Ростропович. Но часто вдвоем уезжали на гастроли. По месяцу-полтора нас дома не было. С маленькими девочками сидела домработница. А когда они постарше стали, одни оставались. И никакого церберы не было за дверью, чтобы подкарауливал за ними, высматривал и докладывал — куда ходили, что делали. Единственное в общем-то время, которое мы проводили вместе, — это отпуск, два месяца летом. Отдыхать далеко не уезжали, в основном на даче жили.

Как девочки стали подрастать (красивые! — мальчишки начали на них внимание обращать), Ростропович, конечно, ревновал. Вижу: так на дочек смотрит — аж шею сводит. Дачный участок обсадил боярышником какого-то особого сорта с во-о-от такими огромными шипами, как вилки. Чтобы мальчишки штаны на них оставляли, когда через забор будут лазить.

Джинсы девочкам сжег один раз на костре, чтобы не обтягивали задницы себе. Из Вены, помню, привезла Лене и Ольге в подарок джинсы. Тогда было модно. И вот они носили. А Ростропович их видеть не мог: "Задки обтягивают, что это за безобразия такие?! Как это можно, девочки, — так в обтяжку?!" Однажды привозят меня из театра после дневного спектакля на дачу (это летом было) — смотрю: над участком дым. Причем дым — со стороны деревянной веранды. Это Ростропович вытащил джинсы у девочки, облил керосином и сжег на веранде. На деревянной! Как еще дом не сгорел — чудо! Я вхожу — девки стоят зареванные, с красными носами. А Ростропович, торжествующе: "Все! Больше эти проклятые джинсы не будут действовать мне на нервы! Я их сжег!" Конечно, я была на стороне детей. Он был не прав. Но при детях мы никогда не выясняли, кто из нас прав.

У меня отношения с дочерьми уже как с подругами. Я могу им сказать абсолютно все: это единственные люди на земле, которым я могу сказать все... Обе дочери посвятили себя семье. Очень возможно, они захотели больше быть с детьми, так как сами видели родителей редко. Говорили, что им не хватало меня. Я считаю: женщина кроме интереса к дому должна еще иметь интерес к работе. Заниматься профессией. Это мое глубочайшее убеждение. Что толку сидеть дома, если ребенок целый день в школе? Чтобы сварить щи для него? Суп с перловкой и грибами? На это жизнь свою положить? Не надо! Сама же отупеешь от такой жизни. Лучше заработать деньги и отдать няне. (Если и для себя чуть-чуть денег останется — слава Богу.) Но сидеть дома и киснуть над кастрюлями — не надо! Жизнь сама показала, и я своим дочкам всегда внушала: женщина должна уметь делать все. Им было всего года два-три — они уже сами свое белье стирали в тазике. С детства умеют готовить. Все умеют. Но если сейчас дочь имеет возможность содержать прислугу для домашней работы — почему нет? Елене достаточно, что у нее четверо детей. За ними надо смотреть...

Весь XX век мы "отдавали" детей на само-воспитание: что из тебя получится — то и получится, что вырастет — то и вырастет. Дети были предоставлены улице и школе. А надо просто обращать внимание на детей. Улица — это кошмар: всякие убийства, терроризм. Тут бандиты, там олигархи (так теперь часто называются бывшие урки). Не дай Бог попасть под влияние таких людей. Родители обязательно должны вести наблюдение.

Я понимаю: сейчас новое поколение, другие вкусы — но тем не менее я свою лямку тяну. Один мальчишка в школе в Косине пришел с серьгой в ухе. Я ему: "Кошмар! Немедленно снять!" Он замямся, а я: "Дай сюда. Подари!" Теперь у меня лежит его серьга — "на память"... Когда увидела, что у внуков мода на брекеты ширится и вниз спущенные, как гармонь, сказала: "Слушайте, ребята! Это же совершенно ужасно!" — "Бабушка, это модно!" — "Это уродливо невероятно!" Но на дни рождения дарю им всегда деньги, а не одежду: "Купи, что тебе нравится". Чтобы знали — что это от меня, что я не хочу просто отделиться подарком.

Елена ДОБРЮХА.